

«КТО ТЕПЕРЬ ПОМНИТ СТРОГОЕ ЗАПРЕЩЕНИЕ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ СЛИШКОМ МНОГО ЧИТАТЬ...?»

Виктор Чумаков

Сегодняшний рассказ о деятельности Журнала Министерства Народного Просвещения я начинаю с 1837 года. Для всей просвещённой России это был «чёрный год» — год гибели великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Журнал Министерства Народного Просвещения сие печальнейшее для российской культуры событие просто не заметил. И всё же я не берусь упрекнуть редакцию в реакционности. Главный редактор Константин Степанович Сербинович (1797–1874) позволил появиться в журнале четырём крупным публикациям адъюнкт-профессора кафедры всеобщей истории Петербургского университета Н.В. Гоголя. А ведь к этому времени уже были изданы и «Вечера на хуторе близ Диканьки», и прошёл в 1836 году в Александринском театре в Петербурге и в Малом Театре в Москве «Ревизор», сюжет которого Гоголю подсказал Пушкин. Словом, не просто понять, почему Журнал обошёл молчанием смерть Поэта¹.

¹ В цитатах сохранена орфография источника. — Прим. ред.

В десятой части журнала видим Высочайшее Повеление «О дозволении Коллежскому Ассессору Кукольнику (1809–1868) издавать Художественную Газету». Нестор Васильевич Кукольник был ровесником и однокашником Гоголя по Нежинской гимназии высших наук, русским писателем и поэтом. На его слова написаны романсы и песни М.И. Глинки «Сомнение», «Жаворонок» и другие, входящие в репертуар современных певцов.

В двенадцатой части журнала появляется статья Королевско-Прусского Административного и Медицинского Советника Лоринзера «О сохранении здоровья в школах». Автор пишет: «Одним из первых и важнейших предметов попечений Правительства в отношении к общественному здравью есть, без сомнения, целесообразное телесное развитие юношества, особенно в Школах, <...> которые, несмотря на многократные опыты и изменения, в них предпринимаемые, столь отделились от врачебных надзоров и до того пренебрегли Гигиеною, что теперь кажется вовсе не излишним с медицинской точки зрения рассмотреть, каким образом развиваются юные души и тела в большей части Немецких Гимназий». Лоринзер цитирует почётного члена Петербургской академии наук К.В. Гуфеланда (1762–1836), автора труда «Искусство продлить человеческую жизнь»: «Никогда человечество не находилось на такой странной точке физической жизни, на какой оно находится ныне. Дело в том, что физические силы более и более уменьшаются, а духовность получает значительный перевес. Но здесь можно ожидать опасного явления. Если телесное расслабление будет идти дальше, не заменяясь никакими новыми силами, то такое утончение тела породит наконец какие-то тени, или нечто среднее между телом и духом; оно, умножая в одно и то же время разрушительность и разрушающие силы, ускоряет через то погибель. Ясно, что мы находимся на этом пути. Только новая сила духа, почерпнутая из божественного источника, только чистое сердце, водворяющее простоту и нравственность, могут породить новый источник жизни в умирающей массе, а через то без сомнения возродятся в природе новая жизнь, чистота, свежесть и сила».

«Один английский врач (может быть, в припадке сплина) с важностью утверждал, что вследствие распространяющейся между людьми цивилизации и утончённости, через несколько столетий они все обратятся в слабоумных, бешеных и больных, если здоровые семейства не перестанут соединяться с такими, кои предрасположены к душевным и телесным болезням», — добавляет автор статьи и тут же заявляет, что «...род человеческий в физическом отношении был всегда одинаков, и жалобы на увеличение испорченности и болезнен-

ности столь же стары, как и само человечество, и по этим причинам не имеют никакой важности. Высокий же перевес духа, замечаемый в наше время, вовсе не вредит здоровью; и если теперь образованные народы стараются блага, приобретённые просвещением и наукою, защитить от невежества, то этого поистине нельзя признавать знаком недостатка физических сил, но скорее должно признаваться за доказательство духовного превосходства. <...> Чаше и громче слышатся жалобы, что умственное образование в гимназиях вовсе не уравнено с телесным, и что поэтому часто то или другое страдает тайною, медленною болезнью, которая, повреждая жизненную силу в самом её корне, портит зерно здоровья. <...> Новооткрытые сокровища земли, изобретение многих новых разрушительных средств, употребление в дело магнитной стрелки, столь неожиданно усовершенствованные средства духовного сообщения, новое направление всех искусств и наук, промышленность со своими необозримыми к роскоши и удобствам служащими выдумками, всеобщее введение новых питательных и раздражающих веществ (горячее вино, чай, кофе, табак, картофель и пр.), возрастающая страсть к наслаждениям и удовольствиям, страсть к революциям и ко всем её следствиям – всё это вместе содействовало к тому, чтобы дать жизни новое направление и форму». Не правда ли, удивительно современно, а написано-то 160 лет тому назад!

Автор продолжает: «Ещё за тридцать или за пятьдесят лет перед этим гимназическое обучение было ограничено немногими предметами; нынче же эти предметы не только преподаются в большем объёме, но к ним присоединены ещё и многие другие. В Саксонии прежде ученик был занят в неделю 25 часов, а в Южной Германии только от 20 до 22 часов (автор сам имел счастье учиться в подобных заведениях); а нынче число учебных часов в неделю почти удвоилось; и если присоединить к тому приватные уроки, получаемые некоторыми из учеников, то более, нежели удвоилось. Посему большая часть учеников в Германии должна сидеть на скамье от 32 до 42 часов каждую неделю, а вне класса прилежнейшие из них едва имеют столько времени, чтобы изготовить требуемые от них домашние задачи, и часто удаётся замечать, что **именно прилежнейшие бывают наиболее подвержены болезням.** <...> **ученик всё более и более отчуждается от Природы и семейства и проводит всю жизнь в Школе и книгах** (выделено мною. — В.Ч.). Напротив того, кто в юности не так много выучивал из книг, тот не легко забывает приобретённое; душевные силы его сохраняют большую свежесть, можно сказать, юность; его суждения и характер полнее и ранее образуются в действительной жизни, и если он, как человек, ниже других в познаниях, то вообще богаче опытностью, здравым человеческим умом, живым участием к тому, что он знает, и стремлением к тому, что ещё ему неизвестно. Мы часто с удивлением видим, что молодые люди, считавшиеся лучшими учениками, без всякого участия смотрят на важнейшие события жизни; мы удивляемся душевному их расслаблению, отсутствию самостоятельности во мнениях, ложному или недостаточному суждению о предметах, доступных для каждого здравого ума».

И подобными рассуждениями автор заполняет ещё несколько страниц журнала, отвергая Фаустово тщеславие: «Я ревностно занимался Науками, и хотя уже много знаю, но хотел бы и **всё** знать». Очень переключается с нашим временем риторический вопрос Лоринзера: «Кто теперь помнит строгое запрещение молодым людям слишком много читать без отдыха, особенно в ночное время?»

Вспоминаю тут же себя и своих сверстников, зачитывавшихся Жюлем Верном по ночам и на уроках. Замените сейчас «читать без отдыха» на «компьютер и Интернет», и сюжеты, меж которыми пролегло более полутора столетия, будут до боли похожими.

Видно, что автор влюблён в детвору и юношество и искренне переживает, что «сильные и цветущие дети в несколько лет иногда увядают, подобно растениям, лишённым теплоты и света; а всего яснее видна печать болезненности в высших классах: там реже встречаются здоровые лица, и бледность щёк, слабость глаз, неразвязность, староумные мины изгоняют свежесть, живость и непринуждённость».

Затем следует длиннейший пассаж о болезнях внутренних органов, о застое крови и других субстанций в брюшной полости и в других местах бедных детей, утомлённых чтением и писаниной в неестественных позах. Это ведёт к препятствиям дыханию и к ... чахотке. От

себя добавлю: она косила моих сверстников 60 лет тому назад, но не от плохого воздуха в классах, а из-за тягот войны. Зацепила и меня, но мама выходила: до кровохарканья дело не дошло.

С большой горечью Лоринзер пишет, что учёба «с глазами обходится без всякой пощады. С тех пор как существуют Школы, никогда близорукость между молодыми людьми не была столь обыкновенным явлением, как ныне; и употребление очков год от году всё увеличивается, особенно в высших классах. Старались найти тому причину в малости формата и мелкой печати учебных книг, и отчасти не без основания, ибо часто такие книги служат самым вредным порошком для глаз».

И наконец, из всего обильно написанного автор делает незамысловатые выводы: «1) вообще в Школах с здоровьем учеников обходятся гораздо хуже, нежели то бывало когда-либо; 2) нынешняя метода обучения чрезвычайно способствует развитию и проявлению болезненности и, 3) при этой системе весьма трудно и почти невозможно достигнуть нормального крепкого развития тела. <...> Итак, время нашим наставникам и Педагогам подумать о том, что не пора ли упростить учебные планы наших Гимназий и уменьшить в них число учебных часов. <...> Тогда вместе с умом выиграло бы и тело, и через то улучшилось бы здоровье в Учебных Заведениях».

И как бы в ответ на подобные статьи появляются Министерские распоряжения, например, «О введении в Благородных при Первой Киевской Гимназии Пансионах преподавания Гимнастики».

В тринадцатой части журнала обращают на себя внимание заключительная статья из трактата Ординарного Профессора Университета Св. Владимира М. Максимовича «Песнь о полку Игореве», редакционная статья «О начале Христианства в России», две статьи выдающегося историка литературы, поэта и академика Петербургской академии наук Степана Петровича Шевырёва (1806–1864) «О первоначальной поэзии древнего Рима до влияния Греческого» и «Мармонтель и Лагарп, или Критика во Франции» и тому подобное. Здесь несомненно влияние на содержание журнала личности Сергея Семёновича Уварова (1786–1855), тогдашнего министра просвещения.

Будучи официальным «насадителем» просвещения, он старался выступать в роли любителя и знатока наук и литературы. Министр был членом литературного кружка «Арзамас», водил дружбу с Н.М. Карамзиным, К.Н. Батюшковым и В.А. Жуковским, был постоянно окружён профессорами и литераторами. Имел обширные учёно-литературные связи за границей. Гумбольдт был одним из старейших его приятелей. Он вёл знакомство с Гёте, де Линь, госпожой Сталь.

Император Николай I стремился создать такую систему народного образования и воспитания, которая бы не оставляла никаких возможностей для революционных устремлений молодёжи, то есть поставил своей целью сформировать охранительное направление в просвещении. Полностью разделяя эти устремления монарха, министр Уваров должен был пересмотреть многие свои либеральные взгляды, присущие ему в молодости. Понимая степень своей ответственности за воспитание будущего поколения, Сергей Семёнович стремился уберечь его от революционных потрясений, характерных для Европы того времени. Он говорил: «Мы живём среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперёд... Но Россия ещё юна, девственна и не должна вкушать, по крайней мере теперь ещё, сих кровавых тревог. Надобно продлить её юность и тем временем воспитать её. Вот моя политическая система».

Перефразируя известное гражданское кредо православных россиян «За Веру, Царя и Отечество», Уваров выдвинул знаменитую формулу-действие: «Православие. Самодержавие. Народность». Сущность этой формулы С.С. Уваров раскрыл в своём письме к Николаю I от 19 ноября 1833 года. Вот несколько отрывков из него:

«Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастью, сохранила доселе тёплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей

исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках её народности, находится и весь залог будущего её жребия... Успеем ли мы включить их в систему общего образования, которая соединила бы выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего? Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к европейскому просвещению, к европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью? <...> Таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить, — имеем мы три главных: 1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность.

Без любви к Вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть: ослабить в них веру то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце... Самодержавие представляет главное условие политического существования России в настоящем ей виде... Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: Народность. Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее... Относительно Народности всё затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. <...> К составу общей системы Народного Просвещения принадлежит много других предметов, как-то: направление, данное Отечественной Литературе, периодическим сочинениям, театральным произведениям; влияние иностранных книг; покровительство, оказываемое искусствам...»

Очевидно, что главный редактор журнала Сербинович был сторонником министра и печатал «Взгляд Платона на Науку Философию», «Состояние Литературы в Турции с начала XIX столетия», «О вновь открытых грамотах Новгородских Святителей XVI века», «Несколько слов о образованности древних Славян», «Славянские Литераторы», «Хранилища славянских древностей», «Римское право в Средние века по Савиньи», «Первое путешествие Англичан в Россию», «Открытие Царского кургана близ Керчи», «Словарь достопамятных людей Русской земли, составленный Дмитрием Бантышем-Каменским», знаменитым нашим историком и археографом (1788–1850), «Объяснение портрета Императора Петра Великого в старинной одежде», «Иван Иванович Шувалов, основатель Московского Университета и Русский Меценат» (автор Иван Снегирёв), «О двойных звёздах, исследованных в Дерптской Обсерватории с 1824 по 1837 год» великим астрономом и геодезистом, основателем и первым директором Пулковской обсерватории, академиком Василием Яковлевичем Струве (1793–1864) и прочее в таком вот духе, что сделало журнал Славой всей Русской культуры, а не одного только Народного образования.

Но на службе государю требовалось и другое. На министерстве лежало бремя возглавлять цензуру. И в журнале полным-полно рескриптов и другого сорта документов на этот счёт: «Об усилении С.-Петербургского Ценсурного Комитета», «Об учреждении в Киеве Ценсурного Комитета», «О назначении при Канцелярии Главного Управления Ценсуры Секретаря», «Правила надзора за Частными Учебными Заведениями в г. Варшаве», «Об установлении штрафа за открытие в Царстве Польском Частных Учебных Заведений без дозволения Начальства», «О передаче в Императорскую Публичную Библиотеку иностранных запрещённых книг, кои не будут своевременно вывезены обратно за границу» и тому подобное.

Чёткое соблюдение принципа сословности в образовании заставляло чиновников публиковать в журнале указы: «О точном и повсеместном соблюдении Правил касательно приёма в Учебные Заведения людей различных состояний», «О дозволении находящимся при Досмотрщиках и Присяжных Кяхтинской Таможни, сыновьям их Кантонистам обучаться в Троицко-Савском Приходском Училище», «О дозволении принимать в Пансион при Астраханской Гимназии детей купцов первых двух гильдий и Почётных Граждан», «О принятии в Сибирские Гимназии из сословия Казачьего войска только детей Чиновников».

Журнал непременно даёт сообщения «О посещении Государем Императором Учебных

Заведений С.-Петербургского, Белорусского, Киевского и Одесского Учебных Округов, а кроме этого Закавказского Края и Харьковского Округа», а также «О посещении Государем Цесаревичем (Александром II) Учебных Заведений Тобольской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Тульской, Калужской, Московской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской и Курской Губерний да ещё Киева и его Учебных Заведений», «О посещении Великой Княгиней Еленою Павловною (сестра Николая I) Татарского Училища в Симферополе», «О обозрении Г. Министром Народного Просвещения разных Учебных Заведений». И это всё только в 1837 году.

В последнем номере за этот год опубликованы сведения о народонаселении России в 1836 году, собранные Министерством финансов. Во всей империи (тогда в неё не входили Средняя Азия и часть Закавказья) насчитывалось более 61 миллиона душ.

Сделаем краткий обзор отчёта о народонаселении «во владениях, подвластных Всероссийскому Скипетру».

Духовенства

Грекороссийского

Священно-служителей штатных и заштатных, Церковно-служителей и сторожей, детей и женщин	503 805
Униатского	15 141
Католического	2 497
Армянского	817
Лютеранского	1 958
Реформатского	88
Магометанских Мулл	13 921
Лам	150

Дворян

Наследственных	538 160
Личных и Обер-Офицерских детей	153 195
Приказнослужителей, разночинцев и отставных солдат	424 490

Имеющих отношение к военной службе

Регулярного военного поселения Казачьих войск	1 932 165
---	-----------

Жителей по ревизии при городах числящихся

Купцов всех трёх гильдий, в том числе и почётных граждан	252 061
Мещан и цеховых	2 774 415
Граждан Западных Губерний	14 521
Нежинских Греков, Тульских оружейников и пр.	21 822
Городских обывателей в Бессарабии	114 081

Сельских жителей

Крестьян имений собственных Его Императорского Величества и Высочайших Особ Императорского Дома, Удельных, ведомства Кабинета Его Императорского Величества, Гоф-Интендантской конторы, Кремлёвской Экспедиции и иных Государственных всех наименований	21 463 993
Крестьяне имений владельческих	22 362 595

Кочующих

Калмык, Киргиз, Магометан в Кавказской Области	507 697
--	---------

По Закавказским владениям

В Грузии, Имеретии, Гурии, Дагестанских провинциях, Армянской Области, Ахалцыхском Паталыке, Мингрелии, Абхазии, Ханствах: Кузюкумыкском и Мехтулинском примерно	1 368 297
В Царстве Польском	4 188 222
В Великом Княжестве Финляндском	1 372 122
В колониях Российско-Американской компании	61 053

Итого: **59 133 568**

«Как в сем числе не заключаются нижние воинские служители регулярных войск и

флотов, равно бессрочно отпущенные с их жёнами и детьми, а также звания, не подлежащие ревизии и особенно в Закавказском крае, приняты, может быть, не со всею надлежащею верностью, то всё народонаселение можно предполагать в 61 миллион.

Сверх того число Горских народов, обитающих между морями Чёрным и Каспийским, простирается до 1 445 000 жителей.

Число Киргизов, состоящих в российском подданстве, но за линиями Оренбургскою и Сибирскою живущих, равно и Двоеданцев, с точностью неизвестно.

Журнал проявлял большой интерес к истории России и русского языка. В каждом выпуске присутствуют эти темы.

«Два первые вторжения Руссов в Византию» — статья профессора Крузе, «Разорение города Углича в 1611 году» — статья учителя Ф.Кисселя, «Извлечения из Краледворской Рукописи, касательно религиозных верований и обрядов», «Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях Славянских» — знаменитого филолога-слависта Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880), «Очерк первого периода Истории России», «Православие — источник спасения Отечества», «Курганы и остатки древних укреплений в Рязанской Губернии», «Открытие памятника Императрице Екатерине II в Екатеринославе», «Нечто о Византийских Историках и о переводе их на Русский язык»; «Следы азиатизма в Слове о полку Игореве» и «К Истории Чингис-Хана», профессора Казанского Университета Эрдмана, «Древняя Русская Торговля» и «Князь Андрей Юрьевич Боголюбский» выдающегося историка, писателя, журналиста, издателя Михаила Петровича Погодина (1800–1875).

В 30-е и 40-е годы в Казанском Университете учреждаются кафедры китайского языка и санскрита, в Казанской гимназии начинают преподавать армянский язык. Появляются первые сообщения о преподавании английского языка.

26 июня 1842 года происходит солнечное затмение на территории России. Журнал откликается статьёй Экстраординарного Профессора С.-Петербургского Университета, в будущем академика Алексея Николаевича Савича (1811–1883) «Известия о любопытных явлениях, замеченных в разных местах Европы во время полного солнечного затмения 1842 года». Но этого мало, и в 1843 году журнал отводит 31 страницу для отчёта Ординарного Профессора Казанского Университета Николая Ивановича Лобачевского (1792–1856) «Полное затмение Солнца в Пензе».

«Полное солнечное затмение по справедливости называться может явлением примечательным и редким. Если кому довелось видеть его раз в своей жизни, то, конечно, в другой уже не случится, разве захотелось бы переехать для того весьма большое расстояние. Это мнение не должно казаться преувеличенным, если прибавим к тому необходимость условия, чтобы небо для места наблюдения было безоблачным. Вот почему полное солнечное затмение почитается не во всех ещё подробностях до сих пор исследованным. В особенности Физик слышит удовлетворительные ответы на многие вопросы: например, относительно охлаждения в воздухе, теплоты солнечных лучей, постепенного омрачения, света прямого, отражённого, погиби (изгиба. — В. Ч.) лучей вокруг лунной поверхности. Астроном дорожит своими наблюдениями над встречей двух главных для нас светил на небе, которых пути до тех пор исследовал он отдельно. Наконец, любопытно для каждого видеть, как отсутствием света внезапно среди дня бывает поражено в чувствах своих всё то, что живёт одушевлённое в Природе».

Академик Струве поручил быть главным в этой экспедиции Астроному-Наблюдателю Ляпунову, и к нему присоединились «Профессор Физики Кнорр и я (*Лобачевский*), желая воспользоваться таким случаем для наблюдений физических и чтобы удовлетворить собственному любопытству».

Пензенское полное затмение Солнца было длительностью почти три минуты.

«На месте дневного светила, когда последний его луч исчез, появился тёмный круг, как бы само Солнце, но уже чёрное, на бледном небе. В трепетном ожидании чего-то неизвестного, с торопливым желанием всё видеть, с опасением что-нибудь не заметить, стояли мы, зрители, среди призраков во мраке, с обращённым взором к потухшему Солнцу, — как об-

ворождённые, постигнутые страхом и беспокойством, вдохновенные чувством возвышенным и торжественным. С этим душевным волнением так трудно было внимательно наблюдать и замеченное сохранить в память, что, возвратившись домой, мы находили нужным в разговоре нашем друг друга поверять, так ли и то ли мы все видели.

Полное затмение поражает сильно всех животных. Птиц оно тревожит в особенности: из лесу поднялись с криком стаи галок и грачей, взвились в воздух и потом опять спустились на деревья. Перед нами невдалеке паслось стадо, специально сюда пригнанное. За криком птиц вскоре послышалось мычание коров и бляние овец, которые все пустились бежать по дороге домой. На Пензенской торговой площади, где продолжалась ярмонка, собралось много народа. Рассказывали, что затмение вначале произвело в народе толки и беспокойство; но когда Солнце совсем закрылось, то послышались голоса: «ах, что-то делается дома? ах, пойти было домой!» С мыслью о преставлении света люди пали на колена, с воплем и молитвой ожидая над собой страшного суда.

Но первый проскользнувший луч Солнца прогнал и мрак в Природе, и страх в сердце людей. Переход от темноты к свету казался разительнее, чем от света к темноте. В помрачении сохранялась какая-то постепенность до последнего мгновения, тогда как первый вырвавшийся луч из-за Луны вдруг переменял ночь в день; чёрная завеса вдруг упала.

Когда затмение закончилось, Г. Губернатор Панчулидзев, который был всё время с нами близ нашей полевой обсерватории, подозвал к себе крестьян. На вопрос, что они думали, они отвечали: «ничего не думали, но мы перепугались».

А затем после этого блестящего журналистского вступления следует отчёт учёного-корифея о виденном, измеренном и сравненном с данными о восьми затмениях: 1567, 1598, 1605, 1706, 1715, 1724, 1778 и 1807 годов. И Лобачевский предстаёт перед нами как тонкий и глубокий знаток физики и астрономии и, в частности, теории света. Обо всём даже вкратце не расскажешь, но его предыдущие наблюдения за прохождением Венеры по диску Солнца, за кометами Энке и Галлея, за Солнцем и его атмосферой (короной), за краешком диска Луны и её поверхностью, измерения температур и освещённости объектов на Земле открывают нам учёного первой мировой величины. Тем более что его гениальная неевклидова геометрия была обнаружена за 7 лет до затмения Солнца в Пензе.

Николая Ивановича очень интересуется явление искривления лучей света, которое нельзя здесь объяснить законом преломления света при прохождении разных по плотности сред. Лобачевский глубок и свободен в своих суждениях и, как мы знаем, именно его идеи лежат в фундаменте общей теории относительности, появившейся через 70 лет после его открытия.

Остаётся только ещё раз подивиться чёткости, ясности изложения этой сложнейшей научной темы. Какой прекрасный Пушкинский Язык! Это уже не язык Карамзина или Ломоносова.

В 1844 году Журнал Министерства Народного Просвещения, отступая от своих правил, печатает «Известие о смерти и погребении И.А. Крылова» (р. 1768). Через два года не забыть бы и нам достойно отметить 160 лет со дня его смерти. А сегодня кто из нас помнит о 210-й годовщине со дня рождения русского гения Лобачевского?

В томе 49-м за 1846 год находим статью историка Павла Савельева «О торговле Волжских Булгар в IX и X веке». Девятнадцать страниц насыщенного фактами текста о том, как арабские и другие южные купцы приходили в древний город, что стоял в 123 верстах к югу от Казани, и как товары и монеты юга распространялись до Новгорода и Великих Лук, а наши лисьи, песцовые меха и многое другое перетекало в Персию, Бухару, Хорезм и другие страны Халифата. А Волга-река тогда называлась Ра, Рау. Арабские монеты на Руси собирали и хранили в качестве «запасного капитала гражданина Новагорода времён Ярополка или Владимира. Самое осязаемое доказательство, что уже в X веке были капиталисты на Севере Руси!». Так заключает статью Савельев.

В 1848 году появляются Высочайшие Повеления об Уставе, Штате и Расписании учебных предметов Архангельского Училища для образования девиц, а затем и информация об открытии Мариинской девичьей школы в Тобольске. Подобные сообщения встречались и не-

сколько ранее.

Нововведением номера стало Отделение VII под названием «Новости и смесь. Указатель замечательнейших открытий по Математическим, Физическим и Естественным Наукам», разбитый на разделы: Математика, Астрономия, Механика, Физика, Химия, Металлургия, Гальванопластика, Технология, Зоология, Ботаника, Минералогия, Геология, Физиология, Палеонтология. В каждом из них есть что-нибудь интересное, например, «Цветное фотографическое изображение солнечного спектра», 1848 год! Или «Оплодотворение без участия самца», 1849 год.

К тому 61 идут «Библиографические прибавления № II». Они стали регулярными и сделали Славу журналу до наших дней. Где ещё найдёшь, какие книги тогда издавались в России и Царстве Польском?

А именно: Азбуки, Пособия к изучению языков, Книги для дошкольного чтения, Словесность, Романы и Повести, Богословие, История, Филология древне-классическая и Восточная, Математические Науки, Естественные Науки, География, Статистика и Политическая Экономия, Сельское Хозяйство и Технология, Медицина, Смесь, Еврейские книги.

Не часто, но всё же в журнале публикуются статьи и на темы педагогики.

«О повиновении в деле воспитания», например. Или в части 72-й статью знаменитого педагога, одного из организаторов женского образования в России Николая Алексеевича Вышнеградского (1821–1872) «Задачи педагогики как науки и способы их решения».

В 1852 году на страницах журнала впервые появляется имя великого филолога академика Якова Карловича Грота (1812–1893) и его статья «О некоторых особенностях в системе звуков Русского языка». Не забудем, что именно Грот установил нормы русского правописания, сохранявшиеся вплоть до конца 1918 года.

В 1852 году кресло министра занимал уже князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов. Граф Уваров, прослужив в министерстве в общей сложности 18 лет, не выдержал и ушёл в 1849 году. Его обвинили в неспособности сдержать и искоренить якобинство в учебных заведениях. И это в то время, когда Европу до основания потрясли революционные бури 1848–1849 годов. А в конце лета 1853 года началась неудачная для России Крымская война с коалицией Великобритании, Франции, Турции и Сардинии. Россия подверглась нападению не только в бассейне Чёрного моря, но и на Балтике, в Белом море и на Камчатке.

Журнал откликнулся на эти события...